

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ADAM MICKIEWICZ I ROSJANIE / АДАМ МИЦКЕВИЧ И РУССКИЕ»

2018 год в общей истории России и Польши и в истории российско-польских отношений ознаменован рядом значительных юбилейных дат. Среди годовщин наиболее важное место, несомненно, принадлежит столетию восстановления польского государства, возрождение которого стало возможным благодаря свершившейся Великой российской революции 1917 г. Однако и в свете этой годовщины 220-летие со дня рождения великого польского поэта Адама Мицкевича не прошло незамеченным ни в Польше, ни в России. При этом и в личной трагической судьбе величайшего польского романтика, и в его творчестве, и в его идейном и политическом наследии России принадлежит особое место. Этим обусловлено проведение в Варшаве 24–25 мая 2018 г. Международной научной конференции «Adam Mickiewicz i Rosjanie / Адам Мицкевич и русские», организованной Институтом русистики Варшавского университета и Гданьским отделением Литературного общества им. Адама Мицкевича. В программе конференции было заявлено 39 участников. Помимо ученых из Польши и России, доклады представили исследователи из Белоруссии, Грузии, Франции и Чехии. Представляется символичным, что конференция открылась в День славянской письменности и культуры (24 мая).

О значении творчества Адама Мицкевича для польской и русской литературы, для развития общественной мысли и эстетических воззрений в Польше и в России говорили, открывая конференцию, директор Института русистики Варшавского университета профессор *М. Домбровска* и председатель Литературного общества им. Адама Мицкевича *З. Казьмерчик*.

Одной из центральных тем, давших благодатную почву для обсуждения, стало пребывание А. Мицкевича в 1824–1829 гг. в России. Это был период «золотого века» русской поэзии, в котором и Мицкевичу принадлежит достойное место. И вместе с тем это был сложный период в общественно-политическом развитии России и Польши, от восстания декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. в Петербурге — до кануна Ноябрьского восстания 1830 г. в Польше. Мицкевич в бытность свою в России жил в Петербурге и Москве, побывал в Крыму, Одессе, Риге. Этому периоду творчества Мицкевича были посвящены доклады *Е. Боровчика* (Познань), *З.Р. Гафуровой* (Москва), *М. Бурта* (Варшава), *Т. Рачка-Езёрской* (Варшава), *Е. Хоффман* (Варшава). При этом и в большинстве других докладов поднимались, так или иначе, вопросы российского этапа творческого пути польского поэта. Выступавшие говорили о его литературном и артистическом окружении, о дружеских связях с русскими и поляками, жившими в Москве и Петербурге, о его отношениях с декабристами и, разумеется, с А.С. Пушкиным. Говорилось также о посещении Мицкевичем российских светских салонов, о его контактах с представителями царской власти и высшей бюрократии. В ходе дискуссии по названным вопросам особо отмечалось, что, к сожалению, в Польше до сих пор не подготовлен и не издан том хроники жизни и творчества А. Мицкевича, посвященный годам его пребывания в России (та же судьба постигла и том, относящийся к итальянскому периоду жизни поэта). Все

выступавшие отмечали, что так называемая российская ссылка Мицкевича, несмотря на вынужденный отъезд поэта из Польши и из родной Литвы, сыграла позитивную роль в его духовном развитии, и вместе с тем образы России в его творчестве этого периода проникнуты элегическими настроениями художника, лишенной свободы вдали от родины. Нашел отражение в докладах, посвященных российскому периоду, интересный и малоизвестный эпизод, связанный с одесскими выступлениями Мицкевича с поэтическими импровизациями (доклад *М. Бурта*). В дискуссии была отмечена их вероятная связь с пушкинскими «Египетскими ночами».

Тема пребывания Мицкевича в России и тема «русских друзей» поэта, прошедшая через все его творчество, в частности, наиболее ярко представленная в поэме «Дядя», позволила докладчикам поставить ряд важных проблем и сделать интересные наблюдения в области истории русского общественного движения и русской общественной мысли. Первое место здесь принадлежит истории декабризма (доклады *А. Фабяновского* (Варшава) и *А. Дудека* (Краков)). Особое место личность и творчество Мицкевича занимает в анализе русского западничества. Эта проблема была поставлена *И.Е. Прохоровой* (Москва) в докладе «“Сонеты” Мицкевича и “памфлетерство” П.А. Вяземского». Автор подчеркнула, что Вяземский осторожно высказывался о величии Мицкевича, не приемля «ранжирования» современных поэтов, рассматривая их всех, начиная с Байрона, как творцов поэзии новой эпохи. В ходе обсуждения развернулась дискуссия о том, носили ли эстетические позиции Мицкевича, Вяземского и Н.А. Полевого программный «западнический» характер или же они ограничивались сугубо узкими рамками поэтического цеха?

В докладе *А.И. Федуты* (Минск) о неопубликованной книге друга Мицкевича — Франтишека Малевского была представлена яркая картина взаимодействия польского сообщества Литвы и русской дворянской интеллигенции, идейная и интеллектуальная атмосфера окружения Мицкевича, существенно повлиявшая на мировоззрение и творчество поэта.

Тема духовных и творческих связей Мицкевича с его русскими современниками — участниками общих эстетических и общественных дискуссий, с друзьями и знакомыми, — прошла красной нитью через большинство докладов на конференции. При этом все выступавшие, затрагивавшие данную тему, отметили, что эти контакты и связи не ограничивались только российским периодом. Разумеется, внешние условия жизни поэта (особенно в период Ноябрьского восстания 1830 г. и в последующие годы в эмиграции), как и эволюция мировоззрения и общественно-политических позиций Мицкевича в постповстанческий период — все это не могло не сказаться на формах, характере и идейном наполнении контактов поэта с его российскими современниками. Однако важно, что эти контакты не прерывались на протяжении всего творческого пути Мицкевича.

На первом месте в этом ряду в поле зрения докладчиков, разумеется, находились творческий диалог и личные отношения Мицкевича и Пушкина (доклады *З. Казьмерчика* (Гданьск), *Е. Боровчика* (Познань) и др.). В частности, в ходе дискуссии *М. Домбровска* подняла вопрос о возможной встрече поэтов в Одессе. Получили освещение в докладах творческие и личные связи Мицкевича с декабристами, с российскими западниками, начиная с П.А. Вяземского и до Зинаиды Волконской (последней был посвящен доклад *А. Гурской* (Торунь)). Были заслушаны также доклады о творческих и личных связях Мицкевича с Ф.Ф. Булгариным (доклад *П. Глушковского* (Варшава)) и Аполлоном Григорьевым (доклад *А. де-Лазари* (Лодзь)). Важное место на конференции принадлежало анализу «русских связей» Мицкевича после 1829 г., которым был посвящен доклад *Т. Винек* (Варшава), подготовленный на основе корреспонденции поэта в период после его отъезда из России. Связи Мицкевича с Россией и русским обществом нашли также отражение в докладе *С.М. Фалькович* (Москва), посвященном откликам в

России на политическую деятельность Мицкевича в эмиграции. Причем, по мнению докладчицы, в них присутствовала не только негативная (официозная), но и позитивная тенденция, связанная с русским освободительным движением.

Центральное место на конференции заняла проблема исторических судеб России и Польши в творчестве и мировоззрении Мицкевича в контексте общественно-политических и историософских дискуссий 1830–1850-х годов в Польше, в среде польской «великой эмиграции», в России и в Европе. Начало рассмотрению этой проблемы было положено в докладе *Б. Допарта* (Краков) «Русские и Россия в третьей части “Дзядов”». Докладчик подчеркнул, что Мицкевич посвятил поэму «как соотечественникам, так и русским друзьям», что, как представляется, уже свидетельствует о своеобразном равновесии двух центральных тем и центральных образов поэмы — образов Польши и России. Вместе с тем, как подчеркнул докладчик, романтическая поэма по форме кардинально отличается от публицистического памфлета, поэтому образы Польши и России формируются Мицкевичем по канонам романтической трагедии, а их содержание отличает диаметральная диалектическая противоположность и свойственная романтизму как творческому методу антиисторичность: Польша предстает в поэме «как искупительная жертва в духе раннего христианства», а Россия — «как евangelьская деспотия». Примечательно, что на этот антиисторизм Мицкевича указали и другие докладчики. Однако *Б. Допарт*, показал, что сам Мицкевич отступал в поэме от этой схемы универсального исходного конфликта по мере того, как тот приобретал в поэме исторические черты в образе вселенского противостояния «меркантильного мещанского Запада» и «деспотической» (самодержавной) России. Разрешение этого антагонизма Мицкевич, по словам докладчика, видел в искупительной жертве и в воплощении в жизнь концепции народного суверенитета *Й. Лелевеля*, что в финале поэмы нашло выражение в тезисе Мицкевича о «выздоровлении русского народа». Этот тезис и его художественное воплощение представляют собой, по словам докладчика, сложнейшую проблему как для перевода поэмы на русский и на иные иностранные языки, так и для его литературоведческой интерпретации.

Проблемы восприятия России и ее образного воплощения в творчестве Мицкевича были также рассмотрены в докладах *У. Волковского* (Сорбонна), *Б. Кучеры* (Варшава), *Е. Хоффмана* (Варшава). При этом, помимо поэтического наследия, докладчики обратились к анализу российской проблематики в лекциях поэта по истории славянских литератур, прочитанных во Франции в Коллеж де Франс, которые представляли собой не только очерк истории литератур востока Европы, но и содержали глубокий анализ исторического развития восточноевропейских народов в контексте общеевропейской истории.

В докладах отмечалось, что принятая в литературоведении концепция негативистского отношения Мицкевича к России нуждается в пересмотре некоторых положений. При этом в ходе дискуссии подчеркивалось, что в известной мере многие антироссийские тезисы в лекциях Мицкевича отражают не авторскую концепцию, а стали следствием вульгарных стереотипов антироссийской французской публицистики, особенно начиная с 1840-х годов.

Преодолению упрощенных, схематичных представлений об эволюции мировоззрения Мицкевича был посвящен доклад *М. Возьневской* (Варшава) «Российская проблематика в объединении Промысла Господня» («Problematyka rosyjska w Kole Sprawy Bożej»). Поэт принадлежал к этому политическому клерикальному кружку в 1840-е годы, в период духовного кризиса польской «великой эмиграции». Особое внимание докладчицы привлек вопрос об отношении Мицкевича к подготовленному в 1844 г. членами этого эмигрантского объединения письма к *Николаю I* «о предназначении славянских народов как народов богоносных». Под влиянием подобных воззрений Мицкевич сформулировал универсальный тезис о двойственной сущности народа: с одной стороны, сущность духовная и религиозная, а с другой — национальная и материальная. Из этой антиномии, согласно

Мицкевичу, следовала возможность духовного возрождения России. Сопоставление воззрений Мицкевича на Россию с известными философскими воззрениями польского и русского гегельянства и аналогичными историософскими концепциями русского и польского «западничества», «славянофильства» и охранительства, с панславистскими воззрениями последнего, была затронута *Г. Глембоцким* (Краков) в докладе «Каково историческое предназначение России? Мицкевич, Чаадаев, Гуровский, де Кюстин».

Концепция России в творчестве Мицкевича послужила отправной точкой для эссе *А.В. Липатова* (Москва), в котором докладчик изложил тезис о благотворном для России влиянии польской культуры в противоположность экзистенциальному противоречию между польским свободолобием и демократизмом, с одной стороны, и российским деспотизмом и холопством — с другой.

В докладах был также рассмотрен ряд вопросов, посвященных системе образов и художественным особенностям произведений Мицкевича, их поэтического языка. Так в докладе *Л.П. Марней* и *Б.В. Носова* (Москва) была проанализирована проблема формирования «образа минувшего века» в новой (для первой трети XIX в.) революционной по форме и художественному содержанию литературе романтизма, представленная на примере образа шляхетской Речи Посполитой в поэме «Пан Тадеуш». Персонажам русских в этой поэме, в первую очередь капитану Рыкову, был посвящен доклад *Х. Градковского* (Валбжих), отметившего особенности художественных приемов поэта в описании вымышленных героев в отличие от представленных в поэтических произведениях Мицкевича реальных исторических лиц. О превращении Рыкова в своего рода кочующий (вечный) персонаж польской литературы XIX — начала XX в. говорил *П. Копровский*. *Е. Щеглацка-Павловская* (Варшава) посвятила доклад влиянию русской поэтики комичного на позднее творчество Мицкевича. Ее исходным тезисом стала констатация общности русского и польского литературного процессов в контексте развития европейской литературы первой половины XIX в., что нашло отражение в таком получившем широчайшее европейское распространение специфическом жанре, как басни и сказки, в котором в наибольшей степени сохранили влияние античные (классицистические) и барочные каноны. Однако русская сказочная и басенная традиция существенно отличалась от западноевропейской, в первую очередь в том, что в ней в значительно большей степени преобладала ирония, а нравоучительное содержание воплощалось в категориях комичного. Эти специфические черты, проявившиеся ранее в русской литературе (*И.А. Крылов*, *А.С. Пушкин*), обрели аналоги у позднего Мицкевича и ряда других польских авторов. В России они получили продолжение у *П.П. Ершова* и даже в сатирах *М.Е. Салтыкова-Щедрина*. В творчестве последнего комическое поднялось до уровня сатирического гротеска, приобретшего политическое содержание. В дискуссии поднимался вопрос о соотношении мифологии романтизма, романтического мифа и жанра басни и сказки, отмечалось, в частности, что для последних в польской и русской литературе, по сравнению с западноевропейскими аналогами, было характерно использование народных образов, бытовых ситуаций в сюжете и композиции, а также деталей народного быта.

Вопросам лингвистического анализа поэтического языка Мицкевича был посвящен доклад *Н.Е. Ананьевой* (Москва), которая выявила характерное для него влияние северо-восточных особенностей польского языка (*północno-wschodnia polszczyzna kresowa*), которые она охарактеризовала как «периферийные анахронизмы и польско-литовские и польско-белорусские феномены культуры», среди которых она выделила, в частности, регионализмы, «выполняющие существенную художественную функцию». В ходе дискуссии по докладу обсуждался вопрос, в какой мере в данном случае учитываются различия между классической польшизой XIX в. и польским языком XVIII столетия, который был в значительной мере более изменчивым и более своеобразным с региональной точки зрения.

Одной из центральных проблем, рассмотренных на конференции, стали вопросы истории исследования творчества Адама Мицкевича в России и в более

широком смысле — художественного, эстетического и философского восприятия и интерпретации наследия Мицкевича российским обществом второй половины XIX и XX вв. Начало рассмотрению названных проблем было положено в докладе *М. Домбровской* (Варшава) «П.П. Дубровский и его “Очерк жизни и творчества Адама Мицкевича”». Как показала докладчица, Дубровский был первым исследователем и популяризатором творчества Мицкевича в России, после того как «золотой век» русской и польской поэзии если и не ушел в историю в полном смысле этого понятия, то стал уже достоянием прошлого. Труд Дубровского о Мицкевиче вышел в свет в 1859 г., накануне исторически короткой, но чрезвычайно важной эпохи в истории Польши и России, когда в обеих странах произошла кардинальная смена общественного уклада и смена форм общественного сознания. В этих условиях обращение русского общества при посредстве Дубровского к творчеству Мицкевича имело не только существенное художественное и просветительское, но и общественное значение, поскольку концепция Дубровского творческого пути и значения наследия Мицкевича строилась на основе существенно, по сравнению с периодом 1840-х годов, обновленным представлением о польском вопросе и об идее славянской взаимности. К связи творчества Мицкевича со славянской идеей и научным литературоведением обратился *И. Поспишил* (Брно), проанализировавший сформулированную Мицкевичем в лекциях концепцию развития русской литературы с точки зрения начала становления современной литературоведческой славистики. О восприятии творчества Мицкевича теоретиками русского литературного модернизма конца XIX – начала XX в. говорили *Е.С. Борисова-Юрковская* (Варшава) и *М. Кошевский* (Дрохичин). Оба они посвятили свои доклады интерпретации творчества Мицкевича в воззрениях В.С. Соловьева. При этом, с учетом разнообразия и противоречивости трактовок идеалистических категорий, общим выводом докладчиков стало мнение, что романтические образы Мицкевича были использованы Соловьевым в обоснование концепции философского мистицизма.

Восприятию творчества Мицкевича русской общественной мыслью и русским литературоведением после революции 1917 г. были посвящены доклады *Т.М. Симоновой* (Москва) «Адам Мицкевич и русская эмиграция первой волны», *Р. Мниха* (Седльце) о месте великого польского поэта в научном наследии Д.И. Чижевского (1894–1977). Последний нелегально покинул Советскую Россию в 1921 г., жил и работал в Германии, а также короткий период – в США, получив мировую известность как философ, историк церкви, филолог-славист, автор работ по древнерусской литературе, истории гегельянства в России и по широкому кругу других проблем. Он нередко обращался к творчеству Мицкевича, к его мировоззренческим позициям, в частности применительно к вопросам истории культуры первой половины XIX в. В докладе Р. Мниха, в частности, нашло отражение выявленное на основе анализа корреспонденции ученого своеобразное созвучие эмоционального восприятия и суждений Мицкевича и Чижевского о судьбе интеллигента, оказавшегося в силу обстоятельств в эмиграции вдали от родины.

Говоря об изучении творчества Мицкевича в российском литературоведении нельзя, с сожалением, не отметить, что тема советского литературоведения 1920–1930-х годов и особенно периода после Второй мировой войны практически не была затронута в представленных на конференции докладах, хотя в выступлениях и дискуссии не раз звучали имена Б.Ф. Стахеева и Е.З. Цыбенко. В известной мере этот недостаток компенсировался в докладах, посвященных истории переводов произведений Мицкевича на русский язык. В них, в частности, отмечалось, что противоречивость творчества поэта, особенно в тех его произведениях, в которых на первый план выходила общественно-политическая проблематика, существенно сказалась на обращении к поэзии Мицкевича русских переводчиков. В свою очередь, в этих переводах не могли не проявиться эстетические пристрастия и стилистические особенности тех или иных периодов развития русской литературы. В частности, на это указала *К. Воян* (Гданьск), проанализировавшая библиографию русских переводов Мицкевича. Докладчики выделили

несколько периодов русских переводов Мицкевича: а) прижизненные переводы и поэтические парафразы, восходящие в основном к «золотому веку» русской поэзии; б) период второй половины XIX – начала XX в., когда в русской и польской литературах происходил наиболее интенсивный процесс их интеграции в общеевропейское литературное пространство со всеми присущими эпохе мировоззренческими и эстетическими исканиями, а также с многократным увеличением читательской аудитории; в) период 1920–1980 гг., когда русских переводчиков Мицкевича по разным причинам (как в силу политической востребованности, так и в силу художественных устремлений авторов переводов увлекала революционная романтика его произведений; г) новый период переводческой работы российских авторов открывается рубежом 1980–1990-х годов, когда российско-польское культурное взаимодействие, несмотря на материальные трудности, вступает в новый качественный этап развития, свободный от цензурных и политических ограничений предшествовавших десятилетий.

Первым этапам были посвящены доклады *М. Каспрчак* (Варшава) о переводах Н.В. Берга и Эки Вардашвили (Тбилиси) на русский язык в XIX в. «Фариса» Адама Мицкевича и «Мерани» Никалоза Бараташвили. В последнем докладе были сделаны очень интересные наблюдения об интерпретации и художественных особенностях переложения на русский язык шедевров польской и грузинской романтической поэзии.

Об идейных и политических тенденциях восприятия творчества Адама Мицкевича в Советской России говорила *Е. Скалинська* (Варшава) в докладе о российских переводах 1917–1955 гг. вступления к третьей части поэмы «Дядя», показав, как трансформировались советские представления о самодержавной России с первых лет революции до последних лет сталинской эпохи.

В ходе конференции был также заслушан ряд докладов, посвященных специальным аспектам сохранения в России памяти об Адаме Мицкевиче, в частности памятным местам в Москве, связанным с его именем и пребыванием в России, материалам о нем в собраниях Отдела письменных источников Государственного исторического музея в Москве. *О.П. Боровик* выступила с сообщением «Образ А. Мицкевича в медальерном искусстве Польши и зарубежных стран из собрания Кабинета медали Государственного музея-усадьбы “Остафьево” – “Русский Парнас”».

Особое место на конференции принадлежало докладу *Е.П. Олесиной* и *О.В. Стукаловой* (Москва) «“Достоин ли я доли этой?” (восприятие творчества А. Мицкевича современной российской аудиторией)». В нем изложены результаты исследований, специально проведенных авторами по инициативе организаторов конференции. Результаты были чрезвычайно интересны и поучительны. Не останавливаясь на методике исследования, отметим только, что она соответствовала всем правилам современной социологии, и в ожидании специальной публикации авторов, отметим один, но весьма яркий и показательный итог исследования. Исключая лиц, получивших специальное образование, почти 100 % опрошенных жителей России, окончивших среднюю школу в 1990-е годы, не знали, кто такой Мицкевич. Выпускники 2000-х годов кардинально в этом смысле отличались от своих предшественников, назвав в качестве главной причины расширения своей эрудиции «проектную деятельность» в средней школе. Проведенные исследования касались также и ряда других смежных вопросов. В частности, специалисты – учителя по истории и литературе высказали свое мнение о месте творчества Мицкевича в школьной программе.

При подведении итогов конференции во всех выступлениях прозвучала мысль, что творчество Адама Мицкевича, безусловно, сохраняет свое художественное значение и культурную ценность. Оно, несомненно, представляет собой неотъемлемую часть общего культурного наследия и достояния Польши и России, а также мировой культуры в целом.

© 2018 г. *Л.П. Марней, Б.В. Носов*

DOI: 10.31857/S0869544X0001772-2